

Разумеется, христианская традиция также максимально антропологична. Статус человека – «по образу и подобию Божьему» – не уступает статусу человека в традиции Дао и в каком-то смысле его превосходит: быть образом и подобием Бога – это более, чем быть равным стихиям неба и земли.

В русской Идее толкование человека и личности тоже максимально антропологично: для В. Соловьёва, например, человек есть становящийся Абсолют (Бог в становлении). Н. Бердяев пишет о «восьмом дне творения», о третьей религиозной эпохе, когда свободный человек добровольно обращается к Богу, чтобы совместно с ним творить «новое небо и новую землю». Не забудем также, что целью «Умного деланья» в исихазме является даже не спасение души, а *энергийное обожение* человека. При этом обоживается не только душа, но целостный состав человеческой реальности, включая и телесную форму.

Таким образом, сравнение Логоса и Дао как соотношения русской Идеи и китайской сакральной традиции представляет вариант своеобразной комплементарности, который ждёт дальнейших компаративистских исследований.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект №12-33-09003а).

УДК [1:2] (470)+929 Соловьев

УЧЕНИЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВА О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ И ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

А. А. Фурс

Саратовский государственный университет
E-mail: melanchton@mail.ru

В статье исследуется основная тема второго периода творчества выдающегося русского философа В. С. Соловьёва, тема церкви. Следует отметить, что Соловьёв выступал за необходимость единства христианских церквей, причем отчетливо отдавал предпочтение католицизму, именно поэтому к протестантизму он испытывал меньше симпатий.

Ключевые слова: католицизм, православие, протестантизм, христианское единство, догматическое развитие.

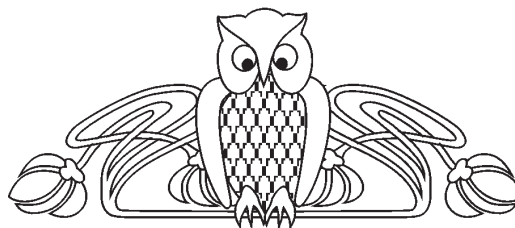
**The Doctrine of V. I. Solovjev
about the Christian Unity and Protestantism**

A. A. Furs

Article considers the theme of church – the main theme of second period of investigation of V. S. Solovjev. It should be noted, that Solovjev

Примечания

- ¹ Григорьева Т. П. Дао и Логос (встреча культур). М., 1992. С. 352.
- ² См.: Фриуаф В. А. Язык. Сознание. Человеческая реальность ... Абсолютно Другое. Саратов, 2005. С. 226–230 ; Фриуаф В. А. Первичные имена как синергийный код мировой культуры // Синергия культуры : Тр. Всерос. конф. Саратов, 2002. С. 124–127.
- ³ См.: Флоренский П. А. Имена. М. ; Харьков, 1998. С. 508–509.
- ⁴ См.: Петухов С. В. Бинарные субалфавиты генетического кода и языка культуры // Синергия культуры. С. 24–30.
- ⁵ См.: Аргуэльес Х. Фактор майя : внетехнологический путь. Киев, 2010. 304 с.
- ⁶ Там же. С. 44.
- ⁷ См.: Фриуаф В. А. Русская идея : язык, время, история // Русская идея как выражение традиции : богословие, философия, литература. Саратов, 2011. С. 4–25.
- ⁸ См.: Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 263–298.
- ⁹ См.: Чжоу Цзунхуа. Дао Тайцзи-цюаня / пер. с англ. Киев, 1995. С. 133.
- ¹⁰ Там же. С. 159.

appeals to necessary of unite of Christian churches, though throw the handkerchief to Catholicism. Protestantism is the least respectable religion.

Key words: Catholicism, Orthodoxy, Protestantism, Christian Union, dogmatic development.

В творчестве замечательного русского философа В.С. Соловьёва отчетливо выделяется три этапа: «чисто умозрительный и славянофильский», «церковно-публицистический» и, наконец, «синтетический»; первый хронологически заканчивается началом 1880-х гг., третий начинается в 1990-х¹. Наибольший интерес для нас представляет второй этап, характеризующийся активной публицистической деятельностью философа. Главными темами его многочисленных

журнальных статей становятся церковный и национальный вопросы. Основной идеей, которой пронизаны все его работы этого периода – «Духовные основы жизни» (1882–1884), «История и будущее теократии» (1886), «Русская идея» (1888), «Россия и вселенская церковь» (1889), становится теократическая идея объединения церквей и государств под властью Папы Римского и русского царя.

Оценивая усилия философа по объединению христианских церквей, некоторые авторы считают его апологетом экуменизма. Однако видя невыполнимость в ближайшие десятилетия своего замысла, Соловьев прошел этот путь единения церквей, так сказать, в личной истории, приняв католичество греческого обряда. В середине 90-х гг., по свидетельствам, собранным его племянником С. М. Соловьевым, русский философ тайно принял католичество, к которому всегда был неравнодушен: «В начале 1896 г. Соловьев решился на тайное присоединение к католической церкви. В то время в Москве жил русский католический священник восточного обряда, Николай Алексеевич Толстой, родственник поэта А. Толстого, знакомый Соловьеву по салону С. П. Хитрово. Окончив Московскую духовную академию в сане православного священника, Н. А. Толстой, не без влияния идей В. Соловьева, принял католичество греческого обряда. Соловьев нашел в нем католика, близкого по духу, которому глубокая убежденность в истине католицизма не мешала всем сердцем любить и понимать православную церковь. Толстой имел часовню у себя на квартире в одном из переулков Остоженки. 19 февраля 1896 г., в день памяти Св. Льва Великого, особенно чтимого им римского папы, Соловьев принял причастие из рук о. Толстого. Перед обедней он прочитал Тридентский символ веры»². Вл. Соловьев скрыл этот факт, и поэтому пока нет прямых доказательств его принадлежности в конце жизни к католичеству.

Согласно позиции философа, Восток и Запад в своем разделении утратили полноту Истины и односторонни: «Человечество, входящее в состав Церкви, должно, во-первых, верить в открытую ему сверхчеловеческую истину и, во-вторых, действовать для проведения этой истины в свой человеческий мир. Идеал Церкви – не в слиянии этих двух различных действий, а в их согласовании»³. В этой же работе, «Великий спор и христианская политика», характеристике протестантизма он посвящает отдельный параграф «Папство и папизм. Смысл протестантизма», где находит причину появления протестантизма в перерождении папства в папизм, в попытке подчинить личность не кафоличности Церкви, но жесткой церковной иерархии.

Находит Соловьев и много общего в протестантизме и старообрядческом расколе. В работе

«О расколе в русском народе и обществе» он проводит интересное сопоставление отношения староверов и протестантов к Преданию: «Исходя из желания сохранить неприкосновенными все переданные формы церкви, не различая в них всеобщего и вечного от местного и временного и ставя последнее на место первого, староверие ничего не сохраняет и, теряя важнейшие условия церковной жизни – иерархию и таинства, является лишь отрицанием кафоличности, протестантизм протестантизм личного убеждения <...> И вот, как бы снаружи не отличалось наше староверие от западного протестантизма, оказывается, что основной принцип того и другого один: личное мнение против вселенского определения церкви, частное против целого <...> дело в том, что и западный протестант, и русский раскольник отвергают в видимой церкви именно то, что выше и сильнее отдельного лица, что может действительно исцелить его и реально связать с Богом – ее всецелость и кафоличность церкви»⁴.

Рассуждая о необходимости единства христианских церквей, Соловьев не обходит стороной наиболее болезненный и сложный вопрос о догматических расхождениях православия и католичества. В отличие от официальной позиции христианского богословия, русский философ считает догматические различия не значительными и не существенными. Он утверждает, что «существенное, основное единство Вселенской Церкви, как состоящее в богочеловеческом союзе людей с Христом чрез ту же силу святительства, в той же вере, в тех же таинствах, нисколько не нарушается видимым разделением церковных обществ между собою из-за частных верований и правил»⁵.

Соловьев находит в существовании восточной и западной церквей абсолютизацию двух начал церковной жизни: православие преуспело в «сохранении церковной истины», католичество – в «организации церковной деятельности». Но по сути эти две церкви едины. Исходными точками христианского единства, по мнению философа, должны стать «1) признание существенного единства обеих Церквей во Христе и 2) нравственная потребность и обязанность провести это единство и в чисто человеческие взаимоотношения двух церковных обществ, чтобы Церковь стала единой в мире»⁶.

Но каково здесь место и роль протестантизма? Соловьев оправдывает его появление, относя его протест как к западному, так и к восточному христианству, вступая в заочную полемику с позицией Хомякова, полагавшего, что в соборном начале православной церкви гармонично сочетаются индивидуальное и общинное начала. Он считает, что истина реформационной идеи, которая заключена в личностном начале,

«заслонялась другими церковными началами – преданием на Востоке, авторитетом на Западе. Таким образом, появление протестантизма в христианской истории имело достаточное основание, и с этой исторической точки зрения протестантский принцип личной совести и свободы является как третье начало христианской жизни, равноправное с двумя другими, т. е. с преданием и с авторитетом»⁷.

Высоко оценивая протестантизм, философ отмечает, что, по его мнению, протестанты, отрицая «святительское преемство, догматическое предание и полноту таинств», поставили себя вне Церкви. «Ясно, – уточняет он свой первый тезис о равенстве принципов трех христианских конфессий, – что говорить о “соединении церквей” можно только разумея соединение православных с католиками, ибо такое соединение будет выражением истины, т.е. выражением того единства, которое в существе дела уже есть. В применении же к протестантам термин “соединение церквей” не может иметь никакого смысла, так как протестантская церковь вовсе и не существует и следовательно можно говорить только о воссоединении протестантов с Церковью»⁸.

Но как же быть с различием в догматическом устройении? К обсуждению этого вопроса Соловьев обращается в работе «Догматическое развитие Церкви». Он полагает, что ни добавление к догмату филиокве, ни непогрешимость Папы Римского не отвергнуты ни на одном из семи вселенских соборов, а потому не могут быть однозначно отнесены к нежелательным, и в целом считает догматическое развитие возможным и допустимым, а потому не находит в католических добавлениях к старым догматам и в выработке новых ничего предосудительного.

Единство христианских церквей, с точки зрения философа, лишь начало глобального единства царств небесного и земного. Идеал богочеловеческого устройства жизни представлен русским философом в работе «Россия и Вселенская Церковь»: «Таким образом, Вселенская Церковь (в широком смысле этого слова) раскрывается как тройственный богочеловеческий союз: мы имеем **союз священства**, в котором божественное начало, безусловное и неизменное, преобладает и создает Церковь в собственном смысле этого слова – Храм Бога; мы имеем **союз царства**, в котором преобладает человеческое начало и который образует христианское Государство (Церковь как живое тело Бога); и, наконец, мы имеем **союз пророчества**, в котором божественное и человеческое должны взаимно проникать друг в друга в свободном и обоюдном сочетании, образуя совершенное христианское общество (Церковь как Богоневеста). Нравственная основа союза священства, или Церкви в собственном смысле этого слова, есть вера и благочестие; союз цар-

ства – христианское Государство – покоится на законе и справедливости; начало, присущее союзу пророчества, или совершенному обществу, есть свобода и любовь»⁹.

Русский философ скептически относился к тезису об истинности православной веры, отрицает он и факт краткого периода так называемой симфонии светской и церковной властей в Византии. По его мнению, никакой симфонии властей на самом деле не было: «Обе власти поняли друг друга и подали друг другу руку; они были связаны общей идеей: отрицанием христианства как социальной силы, как движущего начала исторического прогресса. Императоры приняли раз навсегда православие как отвлеченный догмат, а православные иерархи благословили во веки веков язычество общественной жизни <...> Это мнимое православие Византии на самом деле было лишь вогнанной внутрь ересью: истинный центральный догмат христианства есть внутреннее и полное единение божественного и человеческого в нераздельности и неслиянности <...> Отделили религиозное общество от общества светского: первое заперли в монастырях, а fogum предоставили языческим страстям и законам <...> Это глубокое противоречие между исповедуемым православием и практикуемой ересью было началом смерти для византийской империи. В этом истинная причина ее гибели. Она по справедливости должна была погибнуть, и справедливым было и то, что она погибла от руки Ислама. Ислам – это последовательное и искреннее византийство, освобожденное от всех внутренних противоречий. Он представляет открытую и полную реакцию восточного духа против христианства, систему, в которой догма тесно связана с законами жизни, в которой индивидуальное верование находится в совершенном согласии с политическим и общественным строем»¹⁰.

Основное обвинение, которое русский философ предъявлял православной церкви, касалось ее «пассивности» в отношении социальных вопросов. Западная же церковь, по его мнению, напротив, активно участвует в социальной жизни общества, прикладывает усилия к реальному преобразованию общественных нравов: «Монахи святой горы Афона – эти истинные представители восточной Церкви в ее особенности – вот уже долгие века тратят все свои силы на молитву и созерцание несотворенного света фаворского. Они правы, ибо молитва и созерцание несотворенных вещей необходимы для христианской жизни. Но можно ли допустить, чтобы это душевное занятие составляло все в христианской жизни? <...> У нас на Востоке **молящаяся Церковь**, но где у нас **Церковь действующая**, которая бы выступала в качестве духовной силы, безусловно независимой от земных властей? Где на Востоке

Церковь живого Бога, Церковь, в каждую эпоху дающая законы человечеству, определяющая и развивающая формулы вечной истины, дабы противопоставить их непрестанно меняющему свой облик заблуждению? Где Церковь, работающая над преобразованием социальной жизни наций согласно христианскому идеалу и ведущая их к конечной цели творения – свободному и совершенному единению с Творцом?»¹¹

Таким образом, Вл. Соловьевым в религиозной проблематике владела мысль об объединении христианских церквей. При всех попытках представить объективную картину положительных и отрицательных сторон православия, католичества и протестантизма и их взаимодополнительность, очевидны субъективные моменты предпочтений русского философа в оценке христианских конфессий. Наиболее высоко он оценивал опыт католичества, так как считал его значимым в историческом измерении человечества. И именно поэтому протестантизм как реакция на определенные «исторические перегибы» католичества имеет, по мнению русского

философа, лишь вспомогательное, а не самостоятельное значение.

Примечания

- ¹ См.: *Соловьев С. М.* Владимир Соловьев : жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 6.
- ² Там же. С. 318.
- ³ *Соловьев В. С.* Великий спор и христианская политика // Владимир Соловьев о христианском единстве. М., 1994. С. 47.
- ⁴ *Соловьев В. С.* О расколе в русском народе и обществе // Там же. С. 26–27.
- ⁵ *Соловьев В. С.* Великий спор и христианская политика. С. 70.
- ⁶ Там же. С. 72.
- ⁷ Там же. С. 73.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Соловьев В. С.* Россия и Вселенская Церковь // Там же. С. 185.
- ¹⁰ Там же. С. 195.
- ¹¹ Там же. С. 202–203.